

МНОГОЯЗЫЧИЕ В РОМАНЕ Л.Н. ТОЛСТОГО «ВОЙНА И МИР»

Э.Т. Костюсова

Уральский государственный лесотехнический университет, г. Екатеринбург, Россия

Статья посвящена теоретическому осмыслению феномена многоязычия в романе Л.Н. Толстого «Война и мир». Поясняется отличие многоязычия от смежных явлений. Автор показывает, как элементы разных семиотических систем, а именно вербальная и невербальная коммуникация, взаимодействуют в рамках художественного текста. В поле зрения исследователя оказывается также функционирование форм проявления многоязычия в романе Л.Н. Толстого «Война и мир». По мнению автора, формами проявления многоязычия в романе Л.Н. Толстого «Война и мир» являются иноязычные вкрапления, элементы невербальной коммуникации. На основе анализа иноязычных вкраплений делаются выводы о наиболее распространенных видах кодового переключения. Контаминированные иноязычные вкрапления выступают средством характеристики персонажа. На примере описания мимических движений исследованы элементы невербальной коммуникации. Автор считает, что мимика играет чрезвычайно важную роль в романе Л.Н. Толстого «Война и мир». Используя примеры, автор показывает, что вербальные репрезентации мимики позволяют описать широкий спектр разнообразных эмоциональных состояний. Вербальные репрезентации мимики служат для сопровождения или замены речи.

Ключевые слова: многоязычие, Л.Н. Толстой, иноязычные вкрапления, невербальная коммуникация, мимика.

Роман Л.Н. Толстого «Война и мир» включает речевые партии персонажей, говорящих на разных языках. На двуязычность в романе «Война и мир» обращает внимание В.Б. Шкловский, указывая при этом на то, что Л.Н. Толстой смешивает языки, «делая это смешение очевидным для читателя» [8, с. 217]. В.В. Виноградов отмечает, что в романе «Война и мир» русский язык «сталкивается и смешивается с французским. Это двуязычие свойственно не только стилю документов эпохи и системам диалогической речи, но и самому авторскому повествованию. Толстой видел в этом двуязычии симптом стилистической достоверности исторического романа, залог его соответствия стилю изображаемого времени и воспроизводимой среды» [1, с. 123].

Явление многоязычия не получило системного описания в научной литературе. Наряду с термином «многоязычие» применяется термин «многогоречие», соотношение между которыми рассматривается следующим образом.

Многогоречие, или функциональная диглоссия, представляет собой стилевое взаимодействие в рамках одного текста. Б.М. Гаспаров подразумевает под многогоречьем разноречие. «Феномен разноречия... состоит не просто в наличии множества разных речевых голосов... Языковой опыт говорящих ... проявляет себя не как устойчивая совокупность различных речевых действий, но как континуум, многообразные проявления которого все время перетекают из одной речевой стратегии, из одной ролевой и жанровой сферы в другую ... то, что мы до сих пор именовали разноречьем или гетероглоссией, предстает как многогоречие...» [2, с. 34–35].

Функциональная диглоссия объединяет разные стили речи, так как существует и литературно-разговорная, и книжная разновидности языка. Таким образом, «в пространстве коммуникации, осуществляемой на основе кодифицированного литературного языка, наблюдается полиглоссия, или многогоречие [4, с. 70].

Рассматривая формы проявления многоязычия, Е.Ю. Протасова выделяет «диалекты, говоры, наречия, региональные варианты; варианты выученного русского; контактные разновидности: пиджины в устах носителей стандартного языка, подсознательное упрощение в разговоре с иностранцем и некоторые устойчивые формы общения с детьми, животными, в интимной обстановке; варианты языка, сохраняющиеся при постоянном проживании в двуязычной среде, в общении с неисконными носителями речи; фрагменты использования выученного со слуха или другими неакадемическими способами языка в сфере торговли; русский в научных, административных, экономических целях; отклонения и дефекты речи; ситуативные вариации типа обмолвок, оговорок, ошибок» [5, с. 259–260]. На наш взгляд, термин «многогоречие» является более уместным для характеристики рассматриваемых форм.

Используя применительно к анализу термин «многоязычие», обратимся к его пониманию, изложенному в работе А.А. Чувакина: «В социолингвистике понятие двуязычия/многоязычия используется применительно к факту владения человеком двумя/более чем двумя естественными языками, например родным и «вторым родным»; родным, «вторым родным», иностранным. В лингвистической поэтике понятие многоязычия может быть

распространено на факты присутствия в речевой партии персонажа (повествователя), в художественном тексте средств двух и более языков – естественных, искусственных, параязыков, кинетических, языков культуры и др., а также смешения языков». Под языком А.А. Чувакин подразумевает любую знаковую систему, «средства которой используются в художественном тексте» [7, с. 8].

Следовательно, термин «многоязычие» имеет более широкое значение, чем термин «многообразие», в силу того, что он охватывает не только явления речи, но и явления других знаковых систем. На наш взгляд, формами проявления многоязычия являются иноязычные вкрапления, вкрапления элементов невербальной коммуникации.

В романе «Война и мир» нами обнаружено 905 контекстов с иноязычными вкраплениями на французском языке. Анализ 160 контекстов с иноязычными вкраплениями на французском языке первого тома романа позволяет выделить четыре вида кодового переключения (перехода на другой язык):

- французский – русский;
- русский – французский;
- французский – русский – французский;
- русский – французский – русский.

Следует отметить, что в 45 процентах рассматриваемых контекстов превалирует кодовое переключение «русский – французский – русский», например:

– *Сейчас. А propos, – прибавила она (Анна Михайловна), опять успокоиваясь, – нынче у меня два очень интересные человека, le vicomte de Mortemariet, il est allié aux Montmorency par les Rohans [Кстати, – виконт Мортемар, он в родстве с Монморанси чрез Роганов], одна из лучших фамилий Франции. Это один из хороших эмигрантов, из настоящих. И потом l'abbé Morio [аббат Морио]; вы знаете этот глубокий ум? Он был принят государем [6, т. 3, с. 160].*

В приведенном примере героиня смешивает французскую и русскую речь. Вероятно, французская фамилия и социальный статус определяют то, что героиня говорит по-французски. Далее она переходит на русский, однако осуществляется вкрапление собственного имени. Можно предположить, что французский антропоним диктует необходимость говорить по-французски.

Кодовое переключение «русский – французский – русский» характерно и для диалогов, и для авторского повествования. Возвращение к русскому языку объясняется тем, что русский язык является основным языком романа, например:

Он (князь Андрей) видел, что его заступничество за лекарскую жену в кибиточке исполнено того, что называется ridicule [смешным], но инстинкт его говорил другое [6, т. 3, с. 359].

В рассмотренном примере обращение в авторском повествовании к французскому языку при использовании слова *ridicule* – смешной подчерки-

вает принадлежность героя к определенной социальной группе, хорошо знающей французский язык. По утверждению В. Б. Шкловского, герои романа «Война и мир» делились на хорошо и плохо говорящих по-французски [8, с. 211].

Иноязычное вкрапление в авторском повествовании может состоять не только из отдельного слова, но и сочетания слов, например:

Пьер с Анной Михайловной прошли в petit salon [маленькую гостиную] [8, с. 256].

В примере используется словосочетание *petit salon* (пети салон – малая гостиная), понятное современникам автора без перевода, так как словосочетание *пети салон* обнаружено в историческом словаре галлицизмов русского языка [3, с. 3444].

Разновидностью смешивания языков являются контаминированные вкрапления (явления «ломаной речи»). Рассмотрим следующие примеры:

1) *И князь Ипполит начал говорить по-русски таким выговором, каким говорят французы, пробывшие с год в России. ...*

– *В Moscou есть одна барыня, une dame. И она очень скупо. Ей нужно было иметь два valets de pied за карета. И очень большой ростом. Это было ее вкусу. И она имела une femme de chamber, еще большой росту [6, т. 3, с. 180];*

Переходы с русского на французский язык, к тому же усиленные грамматическими ошибками в русском языке (*она очень скупо, нужно было иметь, было ее вкусу, еще большой росту*) служат выразительным средством характеристики персонажа.

2) *Она поехала. Незапно сделался сильный ветер. Девушка потеряла шляпа, и длинны волоса расчесались... [6, т. 3, с. 181].*

Во втором примере «ломаная речь» (*незапно, потеряла шляпа, длинны волоса*) на русском языке выполняет пародийную функцию, к тому же конструкции «сделался сильный ветер», «волоса расчесались» не свойственны русскому языку. Таким образом, с помощью «ломаной речи» автор выражает сатирическое отношение к герою.

Контаминированные вкрапления, содержащие орфографические ошибки, могут быть использованы для передачи иностранной речи. В данном случае «ломаная речь» акцентирует внимание на фонетической стороне иностранной речи, тем самым обеспечивая характеристику речевого персонажа. Например:

– *Не пило слушай, – говорил немец-доктор адъютанту, – чтоти с третий удар шивь оставался [6, т. 3, с. 240].*

Многоязычие текста романа обнаруживается не только в переплетении разных языковых систем, но и во взаимодействии вербальных и невербальных элементов, например в авторских характеристиках невербальных движений персонажей. Мимика играет огромную роль в произведениях Л.Н. Толстого. В.В. Виноградов отмечает, что «... диалог толстовских героев всегда двупланен. Зву-

чат голоса героев. Но параллельно с этой речью, сплетаясь с ней, ее дополняя, разясняя или разоблачая, вступая с ней в противоречие, иногда ее выпесняя, развивается другой диалог – зрительный: говорят глаза, губы, рот, лицо, говорят их сменяющиеся выражения» [1, с. 206].

Языковые репрезентации мимики характеризуют эмотивное пространство текста. Описывая мимические движения, автор передает разнообразные эмоциональные состояния, которые испытывают герои. Например:

– Денисов с испуганными глазами спрятал свои мохнатые ноги под одеяло, оглядываясь за помощью на товарища [6, т. 4, с. 9];

– А ничего не знают по-нашему, – с улыбкой недоумения сказал плясун [6, т. 6, с. 207].

Как видно из примеров, при помощи описания глаз и улыбки автору удается выразить не только основные эмоции (испуганные глаза), но и их оттенки (с улыбкой недоумения).

Метаязыковое описание мимики в диалогах персонажей способно заменить речевое высказывание. Рассмотрим следующие примеры:

1) – *André, сказала его жена, обращаясь к мужу тем же кокетливым тоном, каким она обращалась и к посторонним, – какую историю нам рассказал ви конт о т-Не Жорж и Бонапарте!*

Князь Андрей зажмурился и отвернулся [6, т. 3, с. 172];

2) – *Еще, может, дотянет до завтрашнего утра? – спросил немец, дурно выговаривая по-французски.*

Лоррен, поджав губы, строго и отрицательно помахал пальцем перед своим носом [6, т. 3, с. 241].

В вышеупомянутых примерах диалог между персонажами осуществляется как сложное переплетение словесной информации и невербальных реакций на слова. С помощью мимики и жеста герой оповещает о своем нежелании общаться (*зажмурился, отвернулся*) или о своем ответе на вопрос (*поджав губы, строго и отрицательно помахал пальцем*). Таким образом, метаязыковое описание мимических движений позволяет участникам диалога понять друг друга без слов.

При этом описание мимики может сопровождать речь персонажей как на русском, так и на французском языке. Например:

– *Monseigneur!* – вскрикнул Пьер не обиженным, но умоляющим голосом.

Даву поднял глаза и пристально посмотрел на Пьера [6, т. 6, с. 42].

Как видно из примера, зрительный контакт (*поднял глаза и пристально посмотрел*) можно рассматривать как равнозначный ответ на словесную реплику героя.

Вербальное описание мимических движений, сопровождающее речевое высказывание, делает речь персонажа более выразительной. Например:

1) – *То-то мы с горы видели, как ты стрелка задала через лужи-то, – сказал эсаул, суживая свои блестящие глаза [6, т. 6, с. 145];*

2) *Вышедший из двери адъютант доложил, что в квартире все было готово. Но Кутузову, видимо, хотелось войти в комнаты уже свободным. Он поморщился...*

– *Нет, вели подать, голубчик, сюда столик, я тут посмотрю, – сказал он [6, т. 5, с. 178].*

Очевидно, что мимические движения героев в рассмотренных примерах (суживая свои блестящие глаза, поморщился) позволяют передать более детально и точно эмоциональное состояние героев.

Мимика героев выполняет функцию замещения речи. Автор приписывает мимике словесное содержание:

«Николенка, что с вами?» – спросил взгляд Сони, устремленный на него [6, т. 4, с. 62].

В приведенном примере автор романа описывает невербальное поведение персонажей. Метонимический перенос речи на взгляд (*взгляд спросил*) позволяет полностью опустить высказывание. Обмен взглядами выступает средством передачи сложной информации, он заменяет слова, однако именно авторский комментарий позволяет понять, каково значение взгляда.

Таким образом, многоязычие – комплексное многоаспектное явление, характеризующее коммуникацию в романе Л.Н. Толстого «Война и мир». Функционально-семиотический подход позволяет рассмотреть взаимодействие в речевой партии персонажа разных языков и разных форм коммуникации. Формами проявления многоязычия выступают иноязычные вкрапления, вербальные репрезентации невербальных компонентов коммуникации. Иноязычные вкрапления на французском языке представляют собой примеры разных типов кодового переключения, из которых самым распространенным является переключение «русский – французский». Контаминированные иноязычные вкрапления служат выразительным средством характеристики персонажа. Языковые репрезентации мимики позволяют описать разнообразные оттенки эмоциональных состояний, они сопровождают или заменяют высказывания персонажей в диалогах.

Литература

1. Виноградов, В.В. О языке Толстого / В.В. Виноградов // Литературное наследство. – 1939. – Т. 35–36. – С. 117–220.

2. Гаспаров, Б.М. Язык – разноречное единство: плюрализм речевого поведения как основа коммуникативного взаимодействия говорящих / Б.М. Гаспаров // Русский язык в многоязычном социокультурном пространстве / отв. ред. Б.М. Гаспаров, Н.А. Купина. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2014. – С. 14–41.

3. Епишкин, Н.И. Исторический словарь галлицизмов русского языка / Н.И. Епишкин. – М.: ЭТС, 2010. – 5140 с.

4. Купина, Н.А. Разноязычие и многогочечие в социокультурном пространстве России / Н.И. Епишкин // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. – 2013. – № 2 (114). – С. 68–75.

5. Протасова, Е. Многоязычие в русских текстах / Е. Протасова // Вариативность в языке и коммуникации. Сборник статей. – М.: РГГУ, 2012. – С. 259–286.

6. Толстой, Л.Н. Собрание сочинений в 12 томах. Т. 3–6 / Л.Н. Толстой. – М.: Правда, 1987.

7. Чувакин, А.А. Коммуникация в рассказах журнала «Новый мир»: Шушкин и современность / А.А. Чувакин // Сибирский филологический журнал. – 2014. – № 3. – С. 6–13.

8. Шкловский, В.Б. Материал и стиль в романе Льва Толстого «Война и мир» / В.Б. Шкловский. – М.: Федерация, 1928. – 251 с.

Костоусова Эльвира Тимофеевна, старший преподаватель кафедры социально-культурных технологий и иностранных языков, Уральский государственный лесотехнический университет (Екатеринбург), elvira.1868@mail.ru

Поступила в редакцию 13 ноября 2018 г.

DOI: 10.14529/ling190111

MULTILINGUALISM IN L.TOLSTOY'S NOVEL "WAR AND PEACE"

E.T. Kostousova, elvira.1868@mail.ru

Ural State Forest Engineering University, Ekaterinburg, Russian Federation

The article deals with theoretical understanding of the phenomenon of multilingualism in L. Tolstoy's novel "War and Peace". The difference between multilingualism and related phenomena is explained. It is shown how elements of different semiotic systems, namely, verbal and non-verbal communication, interact within the framework of a literary text. The functioning of the forms of manifestation of multilingualism in L. Tolstoy's novel "War and Peace" is discussed. It is reported that forms of manifestation of multilingualism in L. Tolstoy's novel "War and Peace" are foreign inclusions, elements of non-verbal communication. Based on the analysis of foreign inclusions, conclusions are drawn about the most common types of code switching. It is supposed that contaminated foreign inclusions are a means of a personage's characteristic. Using an example of a facial expression description, elements of nonverbal communication are analyzed. It is reported that facial expression plays an extremely important role in L. Tolstoy's novel "War and Peace". The examples show that the verbal representations of facial expressions allow us describing a wide range of diverse emotional states. It is found that verbal representations of facial expressions are used to accompany or replace speech.

Keywords: multilingualism, L. Tolstoy, foreign inclusions, non-verbal communication, facial expression.

References

1. Vinogradov V.V. [About Tolstoy's Language]. *Literaturnoe nasledstvo [Literary Inheritance]*. 1939, vol. 35–36, pp. 117–220. (in Russ.)

2. Gasparov B.M. [Language is Heteroglossia Unity: Pluralism of Speech Behavior as a Basis of Communicative Interaction Speaking]. *The Russian Language in the Multi-language Social and Cultural Environment*. Yekaterinburg, Publishing of the Ural University, 2014, pp. 14–41. (in Russ.)

3. Epishkin N.I. *Istoricheskij slovar' gallicizmov russkogo jazyka [Historical Dictionary of Gallicisms of Russian]*. Moscow, ETS, 2010. 5140 p.

4. Kupina N.A. Multilingualism and Multidialectalism in Russia's Socio-cultural Space. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts*. 2013, vol. 15, no. 2 (114), pp. 68–75.

5. Protasova E. [Multilingualism in the Russian Texts]. *Variativnost' v jazyke i kommunikacii: sbornik statej [Variability in Language and Communication: Collected Papers]*. Moscow, Publishing of the Russian State University for Humanities. 2012, pp. 259–286. (in Russ.)

Зеленые страницы

6. Tolstoj L.N. *Sobranie sochinenij v 12 tomah* [Collected Works Issued in 12 Volumes]. Vol. 3–6. Moscow, Pravda, 1987.
7. Chuvakin A.A. Communication in Stories of the Literary Journal “Novy Mir”: Shukshin and Modernity. *Siberian philological magazine*. 2014, no. 3, pp. 6–13. (in Russ.)
8. Shklovskij V.B. *Material i stil' v romane L'va Tolstogo "Vojna i mir"* [Material and Style in L. Tolstoy Novel “War and Peace”]. Moscow, Federation, 1928. 251 p.

Elvira T. Kostousova, Senior Lecturer of the Department of Social-cultural technologies and Foreign Languages, Ural State Forest Engineering University (Ekaterinburg), elvira.1868@mail.ru

Received 13 November 2018

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Костюсова, Э.Т. Многоязычие в романе Л.Н. Толстого «Война и мир» / Э.Т. Костюсова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». – 2019. – Т. 16, № 1. – С. 62–66. DOI: 10.14529/ling190111

FOR CITATION

Kostousova E.T. Multilingualism in L. Tolstoy's Novel “War and Peace”. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Linguistics*. 2019, vol. 16, no. 1, pp. 62–66. (in Russ.). DOI: 10.14529/ling190111
